Лакей и я

Автор:
Валери Боумен

Лакей и я

Валери Боумен

Шарм (АСТ)

Устав от бесконечной осады великосветских девиц и их целеустремленных матушек, молодой граф Кендалл решает найти невесту, которая полюбит не его деньги и титул, а его самого. Но как этого добиться? Возможно, стоит выдать себя за лакея в доме друга, который готов помочь этому маскараду?

Поначалу все идет отлично. Серьезная, увлеченная благотворительностью и верящая в равенство людей Фрэнсис Уортон искренне влюбляется в «лакея» и готова бросить ради него вызов всему обществу. Но комедия грозит обернуться драмой – ведь Кендалл понимает, что возлюбленная не простит ему обмана…

Валери Боумен

Лакей и я

Valerie Bowman

THE FOOTMAN AND I

© June Third Enterprises, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Пролог

Лондон, июль 1814 года

Лукас Дрейк, пятый граф Кендалл, был пьян, но только слегка, а вовсе не в дым, то есть вполне прилично держался на ногах, и его не болтало, как три шкота на ветру, когда корабль теряет управление. Лукас десять лет прослужил на флоте и точно знал, как это опасно. Но он не потерял управление. Четыре кружки разбавленного эля в «Любопытном козле» не могли сотворить такое с бравым морским волком. И все же заявление в присутствии трех своих самых близких друзей, что пора уже ему найти себе жену, свидетельствовало о том, что он пьян.

Как и следовало ожидать, все трое: Уорт, Белл и Клейтон – тут же лишились дара речи, и на их раскрасневшихся физиономиях отразилась разная степень тревоги.

Первым пришел в себя Рис Шеффилд, герцог Уортингтон. Уорт мог бы стать прекрасным человеком, но его папаша – упокой, Господь, этого придурка – все испортил. Чрезмерно азартный, особенно когда речь шла о пари или женщинах – как правило, он выигрывал, – герцог наслаждался красивыми изящными вещами и всячески демонстрировал наплевательское отношение ко всему остальному. И только его самые близкие друзья знали, что все это – фасад: Рис относился к себе – и своему титулу – слишком серьезно.

В ответ на заявление Лукаса Уорт вздрогнул, с шумом втянул воздух, тряхнул головой и медленно проговорил:

– Жену? Ты серьезно? Но ведь у тебя нет необходимости ввязываться во что-то столь… постоянное.

– Мы не молодеем, – философски изрек Лукас.

– Ты о чем? – даже оживился Уорт. – В свои двадцать девять мы всего лишь неразумные щенки. Моему благоверному было за пятьдесят, когда я родился.

Вторым на эскападу Лукаса отреагировал Бомонт Белхем, маркиз Беллингем, патриот до мозга костей, то есть до такой степени, что даже попытался отказаться от титула, чтобы пойти солдатом на войну против Франции. Слава богу, ему было отказано: очевидно, монаршим особам не хотелось, чтобы маркизы да герцоги шлялись по Европе, вместо того чтобы заниматься государственными делами. Вместо этого Белл получил место в министерстве иностранных дел и занимался разведывательной деятельностью – иными словами, делал все от него зависящее, чтобы обеспечить тыл английской армии. Белл был проницателен, скрупулезен, сосредоточен, и, по мнению Уорта, слишком много работал. С этим Белл охотно соглашался, но при этом советовал Уорту хотя бы денек честно потрудиться на благо страны, вместо того чтобы играть, заключать безумные пари и волочиться за женщинами. Пока, правда, у герцога не возникло желание последовать совету друга.

Прищурившись, Белл сказал:

– Ты уверен, что готов? Прошло всего два года с тех пор, как…

Лукас почувствовал искреннюю признательность к другу за то, что Беллингем не закончил фразу: обсуждать Эмили не хотелось. И, похоже, так будет всегда.

Третьим повернул к Лукасу голову Эван Ферчайлд, виконт Клейтон, который совсем недавно связал себя по рукам и ногам брачными узами и на днях вернулся из путешествия, где проводил медовый месяц. Клейтон обладал научным складом ума и обожал эесперементировать, ему можно было доверить любую тайну. Богатый как Крез, Клейтон обожал свою жену Теодору и был предан ей как верный пес. Никто бы не подумал, что из их компании он женится первым.

Клейтон воскликнул:

– Слава богу! В нашем полку прибыло. Потом, глядишь, и Уорт одумается.

Лукас сделал очередной основательный глоток из кружки и вытер губы тыльной стороной ладони. В их квартете он играл роль миротворца и доверенного лица.

Все они крепко сдружились еще в Итоне, будучи подростками.

Лукас прежде всего думал о долге. Впрочем, так было всегда: он всю свою жизнь старался исполнить свой долг перед отцом, семьей, короной – именно в таком порядке. Годы службы на королевском флоте научили его не бояться тяжелой работы ответственности и уважению. Смерть от чахотки его старшего брата Карла годом и двумя месяцами раньше научила необходимости выполнять обещания. Перед смертью Карл внес на рассмотрение в парламент разработанный им законопроект, и на смертном одре попросил Лукаса отстоять его, поскольку считал это необходимым и для блага их поместья, и для блага страны в целом. Лукас дал обещание. Даже если это станет последним, что ему удастся сделать в этой жизни, он добьется принятия закона о занятости.

Лукас был готов заслонить любого из своих друзей грудью, мог отдать жизнь за страну, прошел бы по битому стеклу ради матери или сестры, но найти жену, которая будет любить его по-настоящему, не из-за денег и титула, не мог, и это выводило его из себя.

Он обвел взглядом своих друзей, взиравших на него так, словно он только что бежал из Бедлама. Правила этикета здесь, в «Любопытном козле», были иными. Паб располагался, как маленькая жирная утка, на углу двух улиц, в довольно далеком от Мейфэра районе Лондона, но все же не настолько – если речь идет о статусе, – как трущобы. Здесь было допустимо то, что немыслимо в другом месте: например, напиваться допьяна, вытирать ладонью рот и говорить о поисках жены, не опасаясь, что из каждого угла повылезают вездесущие мамаши и девицы на выданье – охотницы за богатыми женихами с титулом. С тех самых пор, как Лукас унаследовал титул, его со всех сторон осаждали именно такие дамочки.

– Я не шучу, – продолжил Лукас. – Мне необходим наследник, а для этого требуется жена, только не такая, как все эти курицы. А заняться поисками невесты основательно не было времени – полно работы в парламенте.

– Да уж, ты со своим законопроектом и друзей стал забывать, – усмехнулся Уорт. – Ты прямо одержим им.

Лукас пожал плечами.

– Ну, теперь, когда лорды отложили голосование до осенней сессии, у меня будет больше времени и я могу серьезно заняться поисками подходящей жены, а заодно и набрать необходимые голоса.

– Лично меня в парламент калачом не заманишь, – растягивая слова, проговорил Уорт. – Жалко времени. А все эти обсуждения… такая скука.

Белл устремил на друга насмешливый взгляд и покачал головой.

– Благодарение господу, твое место в парламенте всегда свободно, а то нашей стране пришлось бы туго.

Уорт одарил друзей самой очаровательной улыбкой из своего арсенала, продемонстрировав великолепные зубы. От одной такой улыбки пострадало немалое количество леди.

– Я совершенно уверен, что вы, друзья, справитесь с этой задачей без особого труда. – И он похлопал Белла по спине.

– Но имей в виду, – сказал ему Лукас, когда придет время голосовать за законопроект моего брата, я лично приеду к тебе в особняк, вытащу из постели и отвезу в парламент.

Белл и Клейтон рассмеялись, а Уорт вздохнул:

– Давайте не будем о грустном. Лучше вернемся к поискам жены для Лукаса, это – куда интереснее. Скажи-ка мне, пожалуйста, тебе сколько лет?

Герцог откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и прищурился, глядя на Лукаса. Тот окинул друга скептическим взглядом и усмехнулся:

– Что-то с памятью, старина. Ровно столько же, сколько тебе, сколько всем нам.

– Вот именно! – снисходительно подтвердил Уорт. – Неужели так уж хочется поскорее надеть хомут на шею.

– Легко тебе говорить: ты ведь никогда даже не задумывался о том, кто унаследует твой титул. – Лукас одарил друга добродушной улыбкой.

Уорт улыбнулся в ответ.

– Не стану спорить, – пожал плечами Рис и послал официантке свою очаровательную улыбку, от которой у него на щеках появлялись ямочки, и заказал всем еще по кружке эля.

– А если серьезно, ты немного опоздал с поисками жены, – вмешался Клейтон. – Сезон уже закончился. Так что, похоже, шанс свой ты упустил. На следующей неделе парламент уйдет на каникулы, и все разъедутся по своим загородным поместьям.

– Да знаю я, знаю, – поморщился Лукас. – От одной мысли о сезоне у меня мурашки по коже бегут. Всюду эти жеманные безголовые девицы со своими хищными мамашами, жаждущие заполучить богатого мужа для своей дочери. Не хочу искать жену на балах – мне такая и даром не нужна.

– А что, есть другие способы? – с усмешкой поинтересовался маркиз.

– Пока точно не знаю. – Лукас отпил из кружки, причем с каждым глотком его уверенность росла. – Только на этот раз я твердо намерен найти девушку, которая будет любить меня, а не мои деньги и титул.

Разумеется, он говорил о леди Эмили Форсуэл. Лукас никогда не называл ее имени, но друзья знали, что ему пришлось перенести. Он мог делать вид, что ему безразлично, только все равно не мог их убедить, что эта леди не разбила ему сердце. Впрочем, особенно горевать у него не было времени: вплоть до сегодняшнего дня Лукас был занят работой.

– Да! – Уорт стукнул кулаком по столу. Веселый, как правило, голос герцога был полон гнева. – Думаю, все со мной согласятся, что леди Эмили пала – ниже некуда. Тому, что она сделала, нет оправданий: бросила одного ради другого только из-за более высокого титула. Лично для меня эта женщина больше не существует.

Уорт поднял чрезвычайно больной вопрос, поскольку был больше остальных возмущен поведением леди Эмили, и ему очень хотелось убедиться, знает ли она, что ненароком променяла будущего графа на барона.

– Давайте не будем обсуждать сейчас леди Форсуэлл, – простонал Лукас и закрыл лицо ладонью.

Жизнерадостность вернулась к Уорту вместе с официанткой, которая принесла выпивку.

– Спасибо, любовь моя, – улыбнулся он девушке, после чего снова обратил все свое внимание на друга. – Я всего лишь хочу сказать, что если ты хочешь найти женщину, которая полюбит тебя, а не титул, то мероприятия сезона со всей их претенциозностью – не те места, где это возможно.

– Да, – кивнул Лукас со вздохом и отсалютовал герцогу кружкой. – Разве я не то же самое сказал? Поэтому я и старался избегать всей этой мишуры два года.

– Ах, значит, поэтому игнорировал скучные балы в «Олмаксе»? – Уорт усмехнулся. – А я-то думал, что всему виной противный чуть теплый чай и светская болтовня ни о чем, из-за чего их всячески избегал я.

– Все знают, что ты не ходишь туда, где не подают бренди, – заявил Белл, глядя в упор на друга.

Уорт подмигнул ему в ответ.

– Не спорю. И еще там нельзя сорвать банк, как у Холистера.

Это был любимый игорный дом Уортингтона, где он и проводил практически все свое свободное время, имел карт-бланш и регулярно то выигрывал, то проигрывал небольшие состояния.

Лукас почесал подбородок и, невидящими глазами уставившись на кружку, пробормотал:

– Если бы в обществе не знали, что я граф, шансов найти пару у меня было бы больше.

Выпивка, очевидно, развязала ему не только язык, но и мысли.

Смех Уортингтона разнесся по всему помещению паба.

– Я бы многое дал, чтобы это увидеть. Граф одевается как простолюдин, чтобы найти истинную любовь. В этом есть что-то экзотическое, не так ли?

Клейтон тоже засмеялся и покачал головой, а Беллингем, склонив голову набок, вполне серьезно заметил:

– А знаете, это не такая уж безумная идея.

– Ты о чем? – не понял Лукас.

– Чтобы переодеться простолюдином и отправиться на поиски жены, – напомнил маркиз.

Уортингтон похлопал друга по плечу и опять расхохотался.

– Ты спятил, старина? Вроде бы даже не пил…

Беллингем вообще не употреблял спиртное. В его кружке было рисовое молоко или еще что-нибудь не менее экзотическое. Он предпочитал держать свои мысли и чувства под контролем, и друзья это знали. Именно он всегда отвечал за то, чтобы они всякий раз добирались до дома благополучно, избегая ненужных встреч с патрулями и университетскими чиновниками в Оксфорде. Маркиз подался вперед и устремил взгляд на Лукаса.

– Если все хорошенько обдумать, это может сработать.

– Нарядиться простолюдином? – Лукас растерянно моргнул. – И что дальше?

– Да его все знают как облупленного, – заметил Клейтон. – Как он может измениться?

– Ты предлагаешь ему надеть маску или изменить внешность? – спросил Уорт, похлопывая себя пальцем по подбородку. Он уже не улыбался, скорее наоборот: всем своим видом выражал серьезность.

Лукас несколько минут в недоумении смотрел на Белла, потом перевел взгляд на Уорта.

– Вы ведь это несерьезно? Как это можно осуществить?

– Нет, речь не о костюме, – пояснил Беллингем. – Я думал скорее о… подходящих обстоятельствах.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовался Уортингтон, подавшись вперед.

– Вы меня пугаете, – подал голос Лукас. – Что, действительно всерьез обдумываете, как эта нелепая идея может сработать?

– К примеру, пусть это будет… прием в загородном доме, – предположил Беллингем, обращаясь к Уортингтону и не обращая внимания на замечание Лукаса.

Тот тряхнул головой и прищурился.

– Прием в загородном доме – это хорошо.

– Но это будет не какой-то там прием неизвестно где, конечно, – продолжил Белл. – Его должен устроить один из нас – тех, кто принимает участие в эксперименте.

– Эксперимент? – оживился Клейтон. – Вряд ли мне что-то нравится больше, чем опыты и эксперименты. Кстати, так уж совпало, что я устраиваю ежегодный прием в своем загородном доме и собираюсь разослать приглашения.

Виконт произнес все это таким будничным тоном, словно между прочим, как будто только что не подлил изрядную порцию масла в огонь, медленно, но верно разгоравшийся.

– Эксперимент? Какой эксперимент? – очнулся Лукас.

Беллингем щелкнул пальцами.

– Прием в загородном доме – то, что надо, Клейтон!

– Нет-нет-нет! Подождите! – Лукас, сидевший между Беллом и Уортом, заерзал на стуле. Надо как-то срочно протрезветь. Его друзья, похоже, лишились рассудка, даже Белл, обычно самый уравновешенный и хладнокровный. – Никакой прием в загородном доме не сможет изменить мою внешность. Меня все равно узнают.

– И он прав, – заметил Клейтон, глотнув эля.

Слава богу, хоть он сохранил здравый рассудок и не принимает все эти бредни всерьез.

– Нет, если ты пригласишь дебютанток только этого сезона… – проговорил маркиз, и уголки его губ дернулись в слабой улыбке. – И если создашь правильные обстоятельства…

Лукас глубоко вздохнул и отодвинул кружку.

– Дебютантки меня, возможно, и не знают, зато их мамаши – определенно, ведь у многих есть старшие дочери. Это и есть здравый смысл, которого так не хватает нашему разговору.

– А вот здесь вступают правильные обстоятельства, – наставительно проговорил Беллингем и улыбнулся.

Уортингтон поскреб отросшую за день щетину на подбородке и согласно кивнул:

– Полагаю, ты на правильном пути.

– Имейте в виду: я отказываюсь носить маску, – заявил Лукас. – Средневековье какое-то!

– Никакой маски, – заверил его маркиз и, откинувшись на спинку стула, в раздумье принялся теребить нижнюю губу, как делал всегда – совершенно бессознательно, – если что-то замышлял.

– О костюме тоже не может быть и речи, – продолжил Лукас и отодвинул кружку подальше: если выпить еще хоть глоток, ситуация станет совсем уж безумной.

– Ну, я имею в виду не только костюм… – Беллингем и Уортингтон переглянулись, и герцог рассмеялся:

– Клянусь богом, это будет незабываемое зрелище – получше спектакля в «Друри-Лейн».

– Какого еще спектакля? – сморщил нос Клейтон. – Я перестал понимать, о чем вы.

– Повторяю для тех, кто забыл помыть уши, – нагло ухмыляясь, медленно проговорил Беллингем. – Речь идет о Лукасе, который выступит в роли слуги.

– Слуги?

Нет, от его друзей можно ждать чего угодно, но это слово было в самом конце списка.

– Да! Это превосходно! Все получится, если хорошенько подготовиться! – воодушевился Уортингтон.

Лукас уставился на герцога как на безумного.

– Я должен стать слугой? И чему ты радуешься?

– Этого мало. Мамаши некоторых дебютанток все же могут его узнать даже в одежде слуги, – заметил Клейтон.

– А я так не думаю, – возразил Беллингем. – На слуг мало кто обращает внимания: это так, деталь, дополнение, – уж поверьте шпиону-профессионалу. Бьюсь об заклад, что ни одна из представительниц светского общества не взглянет на Кендалла дважды, если он будет одет как слуга: в ливрее, бриджах до колен и парике.

– Есть еще одно дополнительное преимущество: слуга имеет возможность наблюдать, как ведет себя леди, когда не стремится произвести на кого-то впечатление, – добавил Уортингтон и убрал со лба длинные темные волосы. – Могу поклясться: обращаясь к потенциальному жениху, она покажет себя с самой лучшей стороны, а со слугой будет такой, как дома. Я в этом постоянно убеждался на примере собственной матери.

– Вы оба сошли с ума, – констатировал Лукас, всерьез встревожившись: неужели друзья верят, что подобное безумие может сработать?

– Ничего подобного, – заметил Клейтон и ослабил галстук. – Но задумка мне нравится и я с удовольствием предоставлю для ее осуществления свой загородный дом.

– Значит, ты точно спятил, – объявил Лукас: его последний союзник в борьбе с безумием переместился в стан безумцев.

– Подумай об этом, дружище Рис, – предложил Беллингем. – Ты получишь именно то, что хочешь: возможность увидеть дебютанток из-за кулис – так сказать, без прикрас: они будут вести себя естественно, поскольку не узнают, что за ними наблюдают.

Лукас, прищурившись, взглянул на маркиза.

– Странно, что ты не видишь никаких проблем.

Тот пожал плечами.

– О каких проблемах может идти речь? Риск не так уж велик. Если даже кто-то тебя узнает, мы тут же вмешаемся и попросим этого человека подыграть нам. Не сомневаюсь: он сделает это с радостью.

– А если я найду девушку своей мечты? – язвительно предположил Лукас. – Что мне делать? Сорвать ливрею, объявить себя графом и ждать, что она немедленно влюбится в меня?

– Вовсе нет, – ответствовал Беллингем. – Я всего лишь предлагаю тебе понаблюдать, как юные леди относятся к слугам. Не сомневаюсь, что найдутся добродушные и приятные в общении. Ты сможешь выбрать несколько кандидаток, чтобы ухаживать за ними в следующем сезоне.

Лукас медленно покачал головой и опять потянулся за кружкой. Возможно, если выпить еще эля, удастся обнаружить здравый смысл в разработанном друзьями плане.

– Вы предлагаете мне выбирать будущую графиню на основании ее отношения к лакею?

Беллингем приподнял бровь.

– А как леди Эмили относилась к слугам?

Лукас скрипнул зубами. Проклятый Белл! Всегда точно знает, что сказать, когда и как. Перед его мысленным взором промелькнули далеко не самые приятные картины. Он хорошо помнил, как красавица леди Эмили, получившая отличное воспитание, кричала на горничную, которая принесла ей остывший чай, и уволила лакея лишь за то, что, закрыв дверцу экипажа, тот прищемил подол ее платья.

– Судя по выражению твоего лица, друг мой, ты меня понял, – с ленивой улыбкой протянул маркиз.

Лукас ненадолго задумался. Возможно, всему виной четыре кружки эля, но неожиданно весь план стал ему нравиться. И не просто нравиться, а казаться разумным и вполне осуществимым. У него появится возмжность попасть на рынок невест, не отбиваясь от претенденток, которым нужны только его деньги и титул. Ведь наверняка среди толпы найдется хоть одна такая, и он будет невероятно счастлив. Пожалуй, его друзьям удалось все же придумать, как ему найти жену.

– Я намерен к тебе присоединиться, – неожиданно заявил Беллингем.

– Тоже нарядишься слугой? – воскликнул Кендалл. – Тебе-то это зачем?

Маркиз расправил плечи и уселся поудобнее.

– Я давно выслеживаю предателя из Бидасоа, и мне удалось сузить круг подозреваемых до трех человек. И если Клейтон пригласит на свой прием эту троицу, я смогу понаблюдать за ними.

Уортингтон расхохотался.

– Нет, Белл, ты неисправим! Даже в этой ситуации не забываешь о работе на корону. Мы тут пьем, а ты быстро соображаешь, как это можно использовать.

– Если есть возможность достичь двух полезных целей вместо одной, почему бы и нет? Скажу честно, мне подобные мысли приходили в голову еще до того, как Лукас поведал нам о своем желании найти жену. Между прочим, это не так-то просто – вести себя как настоящие слуги: встречать гостей и выполнять всю необходимую работу.

– Хм, а мне все больше нравится идея в роли слуг использовать джентльменов, не говоря уж о том, что под крышей моего дома будут вестись шпионские игры, – протянул Клейтон и надолго приник к кружке. – Это придаст делу дополнительный налет интриги. И поскольку я никогда не был солдатом и не служил короне иным способом, мой долг согласиться на эту военную хитрость. Не говоря уже о моей любви к экспериментам. Ну так что, Лукас, согласен?

Кендалл поднес кружку к губам и осушил. Убедившись, что в ней не осталось ни капли, вытер рот рукой и буркнул:

– Ну, если уж Белл со мной, как я могу отказаться?

Уортингтон тем временем подозвал официантку, бросил ей монетку, возмутительно зазывно улыбнулся и с очередными порциями эля опять обратил все свое внимание на друзей.

– Лично мне так интересно узнать, что из всего этого получится, что я готов не только понаблюдать за спектаклем, но и поставить крупную сумму на исход предприятия: сможете ли вы оба достичь своей цели. Кто еще сделает ставку?

Герцог с вызовом уставился на друзей, и Беллингем закатил глаза:

– Для тебя вся жизнь – пари, Рис.

– Возможно, но, согласись, это чертовски весело! – Уортингтон кивнул в сторону маркиза. – Пять сотен фунтов на то, что вас обоих разоблачит какая-нибудь внимательная мамаша.

– Принимаю пари! – объявил Клейтон, подняв палец. – Ты, я полагаю, прибудешь как гость, Уортингтон.

– Разумеется, как же иначе! – ехидно заметил Кендалл. – Наш друг герцог Уортингтон никогда не снизойдет до лакея, да и вряд ли сможет кому-то прислуживать.

Рис резко выпрямился, ноздри его раздувались от возмущения.

– Я считаю это оскорблением! Если вы, два пьяницы, способны это сделать, то, определенно, смогу и я.

Клейтон надул щеки и помотал головой, избегая взгляда Уортингтона.

– Не уверен, что готов согласиться с тобой, старина.

Герцог скрестил руки на груди и, взглянув на друга с вызовом, спросил:

– Ты на самом деле считаешь, что я не справлюсь?

– Да, – признался Клейтон. – Не сочти за обиду, но если действительно займешь место слуги и будешь выполнять реальную работу, не справишься. Ни за что.

Теперь Уортингтон сверлил глазами Беллингема.

– Ты тоже так считаешь?

Тот уверенно кивнул.

– Я согласен с Клейтоном. У тебя нет ни одного шанса. Ваша светлость, вы так привыкли, чтобы прислуживали вам, что даже не представляете, что такое прислуживать другим.

– Зато я точно знаю, как это надлежит делать, – недовольно проворчал Уорт.

Лукас фыркнул:

– Уверен: видеть, как прислуживают тебе, и прислуживать самому – не одно и то же.

Глаза Уорта стали круглыми.

– Кто бы говорил! Ты же сам чертов граф! С чего ты решил, что сможешь прислуживать?

– Да, я граф, но очень хорошо знаком с тяжелой работой. Не забывай, что я много лет служил на флоте, и мне приходилось делать все, что положено, в том числе щипать паклю и выбирать из сухарей червяков. Кстати, эта работа была не самой неприятной по сравнению с некоторыми другими, – парировал Лукас.

Уортингтон так шлепнул ладонью по столу, что подпрыгнули кружки.

– Отлично. Тысяча фунтов на то, что я смогу быть слугой в течение двух недель, или, по крайней мере, дольше, чем любой из вас.

– Вы все сошли с ума, – вздохнул Клейтон, изумленно таращась на друга.

– Я совершенно серьезен. – Уортингтон стиснул зубы. – Тысяча фунтов. Кто принимает пари?

– Я! – ответили хором все трое.

Глава 1

Мисс Фрэнсис Уортон поморщилась, когда ее мать поспешно вошла – почти вбежала – в утреннюю гостиную. На лице ее сияла довольная улыбка, означавшая, что пришла она с хорошими новостями – иными словами, такими, которые не хотелось бы слышать самой Фрэнсис. Девушка закрыла книгу, которую читала, и засунула под цветочный горшок. Матушка сетовала на то, что она слишком много читает.

– Я только что от леди Кранберри, – объявила миссис Уинфилд. – Она подтвердила, что сэр Реджинальд Фрэнсис непременно посетит загородный прием Клейтона на следующей неделе.

Фрэнсис переглянулась с младшей сестрой, сидевшей напротив. Абигайль было всего шестнадцать, и она еще не выходила в свет, в то время как самой Фрэнсис уже исполнилось восемнадцать и в этом сезоне состоялся ее дебют. Мать решила, что сэр Реджинальд Фрэнсис будет для нее подходящей партией, но почему – Фрэнсис понятия не имела. Да, он рыцарь, но в то же время громогласный чванливый осел, не говоря уж о том, что его фамилия: Фрэнсис – совпадала с ее именем. Девушка не могла себе представить, как ее будут звать после свадьбы: Фрэнсис Фрэнсис. Нет, это уже слишком.

– Я не очень хорошо себя чувствую, мама, и не уверена, что смогу посетить прием в загородном доме Клейтона. – Фрэнсис драматическим жестом прижала ладонь ко лбу и прикрыла глаза, постаравшись изобразить нездоровье. Впрочем, она не обладала актерскими навыками, хоть иногда ей и удавалось произвести впечатление на мать, но явно не в этот раз.

– Чепуха! – решительно отрезала миссис Уинфилд. – Ты здорова как лошадь. Но даже если бы тебя свалила чума, я бы все равно приказала слугам отнести тебя в загородный дом Клейтона.

Фрэнсис хмуро покосилась на мать.

– Как бы я хотела там побывать! – мечтательно проговорила Абигайль, прижав тыльную сторону ладони ко лбу и томно вздохнув.

С актерскими навыками у младшей сестры явно было лучше, чем у старшей. Почему-то спектакли Абигайль казались куда правдоподобнее. Фрэнсис решила, что надо будет выяснить у сестры, как ей это удается.

– Тебе еще рано! – заявила мамаша.

– Да, к сожалению, – простонала Абигайль, всем своим видом показывая, как несчастна.

Фрэнсис взяла на заметку, что надо больше стонать.

– Но так хочется посетить загородный прием, где будет множество красивых джентльменов, – мечтательно промурлыкала Абигайль.

– Множество красивых джентльменов и сэр Реджинальд, – пробормотала Фрэнсис.

Миссис Уинфилд одарила старшую дочь красноречивым взглядом, явно указывавшим на то, что она не находит ее шутку забавной, и заявила, упрямо вскинув брови:

– Мне не дано понять, почему ты настроена против сэра Реджинальда!

Фрэнсис скрестила руки на груди и принялась нервно барабанить пальцами по локтям.

– Ну, во-первых, он вдвое меня старше.

– Сорок лет не старость! – отрезала баронесса.

– Во-вторых, он напыщен как индюк, – добавила Фрэнсис, не переставая барабанить пальцами по локтям.

Мамаша взмахнула платочком.

– Все титулованные джентльмены такие и твой отец не был исключением, когда я его встретила.

– Он мне совершенно неинтересен, – заявила Фрэнсис и почесала щеку.

– Не понимаю, откуда столь предвзятое отношеие.

Фрэнсис тяжело вздохнула.

– При нашей прошлой встрече он битый час рассказывал о том, как играл в вист четыре года назад, как проиграл… причем со всеми подробностями. Не скажу, что меня это особо впечатлило.

– По-моему, ты слишком привередлива. – Миссис Уортон возвела глаза к потолку с видом великомученицы и, прижав платочек к горлу, перешла на шепот, словно их кто-то мог подслушать: – Ты должна помнить, что при столь ничтожном приданом и – прости – отсутствии неземной красоты вряд ли правильно быть слишком уж привередливой.

– Спасибо за поддержку, мама, – ответила Фрэнсис, прилагая воистину героические усилия, чтобы не расхохотаться.

– Я вполне серьезна, – не унималась благоверная. – Сэр Реджинальд проявил интерес. Возможно, это лучшее предложение, на которое ты можешь рассчитывать.

– Если нудный рассказ об игре в карты четырехлетней давности есть проявление интереса, то, полагаю, ты права, мама. Но я уже говорила тебе и могу только повторить: пусть мое приданое заберет Абигайль и, возможно, сделает хорошую партию. А меня вполне устраивает мое положение.

Склонность отца семейства к игре крупные проигрыши, особенно в последнее время, ввергли их в немалые финансовые трудности. Только Фрэнсис никак не могла понять, почему мать не желает проявить благоразумие и удвоить приданое Абигайль. Это было бы в данной ситуации единственно правильное

решение. Очевидно, у миссис Уортон не все в порядке с головой.

– Это безумие! – воскликнула дама, взмахнув платочком.

– Вовсе нет, – спокойно ответствовала Фрэнсис. – Абигайль пригодится мое приданое, а я вовсе не собираюсь замуж. – Разговор на эту тему мать заводила не раз, чем доводила Фрэнсис до бешенства, потому что категорически не желала понимать, как это девушка может не хотеть замуж.

– Перестань говорить глупости, – раздраженно заявила мать, тряхнув головой. – Я бы пригласила к тебе врача, если бы у нас были деньги для таких излишеств.

Фрэнсис поморщилась. Нет. Спорить с ней бесполезно: с ее точки зрения хорошая партия – это единственное, что важно, о чем ей следует думать. У баронессы Уинфилд не было сыновей, поэтому она и беспокоилась о будущем своих дочерей и особенно – о выборе для них мужей. Для Фрэнсис не было тайной, что она не самая завидная дебютантка сезона. Ее отец всего лишь барон, приданое приличным не назовешь, и потому она бо?льшую часть мероприятий прошедшего сезона провела, подпирая стену. Если же и появлялся потенциальный ухажер и приглашал ее на танец, она быстро отпугивала его своими рассказами о борьбе за права бедных. Для начала, по ее мнению, следовало не допустить, чтобы парламент принял ужасный закон о занятости, который будет рассматриваться в начале осенней сессии.

Фрэнсис было лет десять, когда отец взял ее на прогулку в Гайд-парк и они увидели группу бедняков, устроивших пикет у дома какого-то политика. Разгневанные, потные, вооруженные вилами, они выкрикивали свои требования и угрозы. Отец попытался поскорее увести ее прочь, но Фрэнсис не двинулась с места: стояла и слушала.

В поведении толпы не было ничего возмутительного, а вот услышанное ее так потрясло, что она поклялась, когда вырастет, сделать все возможное и невозможное, чтобы помочь этим людям. Будучи дебютанткой, она, разумеется, никак не могла повлиять на политику, тем не менее ей удавалось при случае привлечь внимание некоторых влиятельных членов палаты лордов. Во время танцев она позволяла себе высказывания вроде: «Знаете ли вы, лорд Шартон, что бедняков нередко облагают штрафами, которые они не могут выплатить, а за неуплату бросают в тюрьму?» – или: «Лорд Абермарль, известно ли вам, что

права бедных заключенных никто не соблюдает? Разве можем мы утверждать, что живем в цивилизованном обществе, если допускаем подобное?»

На лице ее партнера по танцам, как правило, появлялось выражение, как у зайца, попавшего в ловушку, он спешил вернуть ее на место к стене в тот самый момент, когда музыка замолкла, и больше никогда даже не смотрел в ее сторону.

Мать не раз предупреждала Фрэнсис, что такое поведение ничем хорошим не кончится. Она, конечно, выбрала иное выражение, заявив, что девушка не должна вести себя столь нелюбезно, но дочь упорно стояла на своем. Поиски мужа не интересовали ее. Зато, добившись, чтобы ее услышали влиятельные члены парламента, она чувствовала себя полезной. Она продолжала быть «нелюбезной» весь сезон, в результате чего почти все подходящие джентльмены стали ее избегать. Стоило ей войти в бальный зал, и вокруг нее образовывалась пустота.

Сэра Реджинальда Фрэнсиса, как выяснилось, почти весь сезон не было в стране. Миссис Уинфилд утверждала, что он настолько богат, что готов не обратить внимания на ее жалкое приданое, поэтому считала его удачной партией, и была исполнена решимости любыми способами убедить ее поехать на прием в загородный дом лорда Клейтона.

– Ты должна пообещать мне, что будешь приветливой и милой, – напутствовала дочь миссис Уинфилд и погрозила пальцем.

– Когда это я была неприветливой? – проворчала Фрэнсис, подмигнув Абигайль за спиной матери.

– Ты знаешь, что я говорю о твоих выходках на балах, – уточнила та и вытерла лоб платочком.

Фрэнсис пожала плечами.

– Я просто не понимаю, почему я должна принимать первое предложение, которое получу.

– Потому что других может не быть: до сегодняшнего дня ты не получила ни одного брачного предложения. Я слышала, что сэра Реджинальда не пугают молодые девицы, которые интересуются политикой и прочими ненужными вещами. – Миссис Уинфилд прижала платочек к губам и с тревогой посмотрела на дочь. – Остается только надеяться, что это правда.

Фрэнсис поверила бы в правдивость слов матери о сэре Реджинальде, если бы уже не встречалась с ним: такая возможность представилась на последнем балу сезона. Джентльмен говорил без устали, но все о себе. Миссис Уинфилд бдительно наблюдала за ними и тут же прервала Фрэнсис, когда та попыталась заговорить об этом омерзительном законопроекте, который намерен провести такой же отвратительный член палаты лордов некий граф Кендалл. Насколько было известно Фрэнсис, у него много сторонников: эти сведения она почерпнула из газет и из разговоров отца с его друзьями, когда речь заходила о политике. Голосование было отложено до осенней сессии парламента, и Фрэнсис вовсе не собиралась молчать, оказавшись в компании того или иного пэра. А уж если удастся увидеть этого ужасного лорда Кендалла, она непременно выскажет все, что о нем думает.

– Остается только надеяться, что сэр Реджинальд не заговорит меня до смерти, в подробностях описывая игру в «фараона», имевшую место десять лет назад, – вздохнула Фрэнсис.

Миссис Уинфилд закатила глаза.

– Невзирая ни на что, в пятницу мы едем в Девон. Я немедленно прикажу Альбине, чтобы начала паковать сундуки. Готовься, и, имей в виду, никаких разговоров о политике. – Мать резко обернулась и посмотрела в упор на дочь. – Ты меня поняла, Фрэнсис Реджина Тергуд Уортон?

Девушка ткнула пальцем в ее сторону и попыталась исправить:

– Закон о занятости – это вовсе не поли…

– Никаких разговоров о законах, бедняках, занятости и подобной ерунде! – разозлилась баронесса.

– Хорошо, мама, как скажешь. – Фрэнсис хотела было скрестить пальцы за спиной, но решила, что это будет нечестно, а она всегда старалась не лгать, порой даже во вред себе. – Обещаю не вести подобных разговоров, во всяком случае – с сэром Реджинальдом.

– И с любым другим подходящим джентльменом из общества, – жестко потребовала миссис Уинфилд.

Фрэнсис уперла руки в бока и, как попугай, повторила:

– Да, и с любым другим подходящим джентльменом из общества.

– Превосходно! Тогда нам, возможно, все-таки удастся выдать тебя замуж. – Улыбнувшись, баронесса подхватила юбки и величаво выплыла из комнаты.

Когда за ней закрылась дверь, Абигайль уставилась на сестру и спросила со всей серьезностью:

– Что ты собираешься делать, Фрэн? Ты не скрещивала пальцы за спиной, я видела. Может, ты скрестила пальцы на ногах?

Фрэнсис, обожавшая сестру, не могда сдержать улыбки. Абигайль понимала ее, как никто. Это была любовь с первого взгляда, с того самого мгновения, когда она впервые заглянула в колыбельку сестры. Фрэнсис чувствовала ответственность за нее и не кривила душой, когда предлагала матери отдать свое приданое Абигайль, чтобы та не считалась бедной родственницей. Она была готова для сестры на все.

– Я бы так и сделала, – засмеялась Фрэнсис, – если бы вовремя вспомнила, что на ногах тоже есть пальцы. Но я обещала маме не говорить на близкие и интересные мне темы, и выполню свое обещание.

Абигайль подалась вперед.

– Но что ты вообще намерена делать?

Фрэнсис пожала плечами.

– Что-нибудь придумаю. Надо, чтобы Реджинальд отказался от идеи сделать мне предложение.

Глаза Абигайль стали круглыми словно блюдца. Она никогда в жизни не противоречила родителям и всегда завидовала Фрэнсис, способной на это.

Фрэнсис взяла «Укрощение строптивой», подошла к окну и некоторое время смотрела на парк, прижимая томик к груди и обдумывая создавшееся положение. Потом ее взгляд медленно опустился на книгу, и ей пришла в голову отличная идея: надо вести себя так, словно она самая неисправимая строптивица и неукротимая фурия в этой стране.

Глава 2

Лондон, начало августа 1814 года

– Мы назовем наш союз «Клуб лакеев»! – объявил Лукас.

Прошло три дня после того, как в пьяные головы друзей пришла идея о перевоплощении в лакеев, но даже протрезвев, никто из них не пожелал от нее отказаться. Очевидно, им все-таки предстояло осуществить свой безумный план, который теперь не казался Лукасу таким уж безумным. Чем дольше он обдумывал идею, тем больше она ему нравилась, хоть и размышлял над ней, будучи совершенно трезвым.

Друзья прибыли в дом Клейтона заранее, чтобы его слуги успели их кое-чему обучить. Для начала им надо было подобрать ливреи – этот процесс привел Уортингтона в неописуемый восторг.

– Не имеет значения, что я ношу, – заявил герцог с очаровательной улыбкой. – Главное – как.

– «Клуб лакеев», – проговорил Беллингем. – А что, мне нравится!

Ему не нужна была ливрея, но чтобы не отличаться от других, маркиз все же переоделся.

– Кто бы мог подумать, что бриджи до колен и белые чулки будут так хорошо на мне смотреться? – не унимался Уортингтон, глядя на себя в зеркало и полностью игнорируя разговоры друзей.

– Да, наша форменная одежда весьма примечательна, – заметил, очень довольный, Клейтон. – Черные ливреи, зеленые жилеты, белые рубашки, белые чулки…

– Ты должен увеличить мне жалованье, поскольку я выше всех! – заявил Уортингтон, разглаживая рубашку на груди. – Разве статным лакеям не платят больше?

Беллингем покачал головой:

– Мы здесь не для того, чтобы зарабатывать.

– Черта с два! – запальчиво воскликнул Уорт. – Если я буду выполнять работу слуги, то должен получать за это жалованье.

Клейтон откинул голову и расхохотался.

– Не беспокойся, Рис: получишь ты свои деньги. Я обычно нанимаю дополнительный персонал для организации приема. Жалованье выплачивается по окончании двухнедельного срока. Думаю, тебе потребуется каждый фартинг, если ты намерен заплатить каждому из нас по тысяче фунтов, когда все закончится.

Герцог нахмурился.

– Тысяча фунтов – это моя проблема, а ты лечше скажи, что я должен делать. Я хотел бы работать на конюшне, но «Клуб лакеев» мне тоже нравится.

– Я думал, мы будем вместе, – встрял Лукас.

Беллингем поправил манжет.

– Мне необходимо постоянно держать в поле зрения тех троих. Я позабочусь, чтобы кому-то из них потребовался камердинер.

– А куда денешь настоящего? – заинтересовался Клейтон.

Белл пожал плечами.

– Не переживай: ничего такого. Скорее всего, просто ему заплачу.

– Работать на конюшне не так сложно, как обслуживать гостей, – заметил Лукас. – Заключая пари, ты, Рис, не говорил, что намерен перевоплотиться в конюха.

– А какая разница? – парировал Уорт с оскорбленным видом. – Мне необходим хотя бы минимальный шанс на выигрыш. Среди лошадей я чувствую себя намного лучше.

– Не волнуйся, – заверил Клейтон Лукаса. – Ему придется общаться с гостями даже в роли конюха. Во время моих летних приемов мы часто катаемся верхом.

– Вот так-то, – самодовольно ответствовал Уорт, расправив плечи.

– Я по-прежнему уверен, что ничего у тебя не выйдет, – сварливо буркнул Беллинген, в то время как портной подгонял ему рукав.

– Польщен твоей безграничной верой в меня, – не остался в долгу Уортингтон и прикрикнул на подмастерье: – Эй, не надо ничего подкладывать на плечи! У меня с этим все в порядке.

– Имей в виду, – заявил Лукас, – я буду время от времени наведываться на конюшню проверять, чем ты там занимаешься.

– Добро пожаловать! – осклабился Уортингтон.

– Полагаю, мы закончили, милорд, – прервал их препирательства портной и стал собирать свои инструменты.

– Спасибо, мистер Кирби, – поблагодарил его Клейтон. – Дворецкий вас проводит.

После ухода портных виконт вызвал экономку миссис Котсуолд, и та появилась через мгновение, словно ждала за дверью. Внушительного вида дама в темном платье до пола и идеально накрахмаленном белом фартуке, при ходьбе издавала позвякивание из-за внушительной связки ключей, что была подвешена у нее на поясе. Клейтон уже проинформировал друзей, что миссис Котсуолд подчиняются все без исключения слуги в доме.

При появлении дамы новоявленные слуги непроизвольно построились по росту и вытянулись. Экономка молча прошла вдоль шеренги, потом еще раз и повернулась к хозяину:

– Я не уверена, милорд…

– Понимаю, довольно трудно думать о них как о слугах, миссис Котсуолд, – начал Клейтон, – но, как я уже говорил, все в доме в течение ближайших двух недель должны воспринимать их именно так, и никаких исключений.

– Меня не это беспокоит, – сообщила экономка, поджав губы. – Я совершенно не уверена, что эта работа им по плечу. Обязанности слуг весьма многообразны, дел много, вставать придется очень рано, ложится – поздно…

Клейтон, чтобы не рассмеяться, прикрыл низ лица ладонью.

– Я вас понимаю, миссис Котсуолд, но они будут стараться. Не правда ли, джентльмены?

Все трое кивнули, а Лукас выступил вперед и с чувством проговорил:

– Поверьте, миссис Котсуолд, ваша помощь для нас бесценна. Обещаю внимательно слушать и выполнять все ваши указания со всей ответственностью.

Экономка одарила его благосклонным взглядом и расплылась в улыбке.

– Благодарю вас, милорд.

– А я уже начал вникать в обязанности лакея. Например, знаю, что необходимо следить за свечами.

– Свечи – лишь малая толика обязанностей, – усмехнулась миссис Котсуолд, качая головой.

– Я готов учиться, – объявил Беллингем, кланяясь даме.

Миссис Котсуолд подошла к Уортингтону.

– А как насчет вас, ваша светлость?

– В свою защиту могу сказать лишь одно: я поставил на это приключение большую сумму, а проигрывать, признаюсь честно, терпеть не могу.

Чтобы не рассмеяться, герцог говорил, устремив взгляд на каминную полку, над головой экономки.

– Вы заключили пари? – воскликнула миссис Котсуолд, и брови ее взметнулись к кромке волос.

– Да, – буркнул Рис, застыв как статуя.

Дама слегка расслабилась.

– Ну, тогда другое дело: не сомневаюсь, что вы будете лучшим лакеем в этом доме, ваша светлость.

Уорт кашлянул.

– Конюхом.

– Ах, значит, в доме вас не будет? – уточнила экономка.

– Нет. – Уорт продолжал стоять навытяжку, только немного опустил подбородок.

– Возможно, так даже лучше, – проговорила миссис Котсуолд и на мгновение отвернулась.

Друзья тем временем весело переглянулись, но никто не издал ни звука. Поразмыслив и, видимо, приняв какое-то решение, экономка снова повернулась к потенциальным лакеям:

– Пожалуй, начнем с основ.

– И что это? – полюбопытствовал Лукас.

– Будем чистить серебро.

Она посмотрела на своих временных подчиненных, словно ожидая возражений, но те лишь дружно кивнули.

– Вы должны также знать, как встречать гостей и провожать в комнаты, заботиться об одежде и обуви джентльменов.

Миссис Котсуолд прищурилась, Белл кивнул, а Лукас спросил, теряя терпение:

– Что-то еще?

– Еще лакей должен заботиться о лампах и обслуживать гостей за столом.

– Думаю, мне пора на конюшню, – заявил Уортингтон и направился к двери.

– Не спеши, Рис, – остановила его экономка.

Герцог замер, на его красивом лице застыло выражение изумления, даже, пожалуй, потрясения.

Уголки губ экономки едва заметно дрогнули.

– Вы же понимаете, ваша светлость, что к слугам обычно обращаются по именам?

Уортингтон прокашлялся: фамильярность экономки выбила его из колеи, – но быстро справился с собой, отошел от двери и снова занял свое место в шеренге.

– Конечно. Но почему я не могу учиться на конюшне?

– В свое время так и будет, – сказала экономка, – но сначала вы должны узнать кое-что от меня.

– Например?

– Например, – незамедлительно ответствовала миссис Котсуолд, – как укутывать ноги дамам, если они пожелают совершить прогулку в экипаже.

Уорт нахмурился.

– Зачем им укутывать ноги в августе?

Миссис Котсуолд усмехнулась.

– Некоторые особенно нежные дамы мерзнут даже в августе.

– Очень хорошо, – вздохнул Уорт. – Что-нибудь еще?

– Очень и очень многое. Скажем, как научиться не подслушивать разговоры хозяев. – Она улыбнулась. – Начнем?

Глава 3

Девон, поместье виконта Клейтона, август 1814 года

Фрэнсис вышла из экипажа и облегченно вздохнула: других гостей видно пока не было. Не исключено, что она сумеет попасть в отведенные им комнаты, избежав неприятной встречи с сэром Реджинальдом. Горничная Альбина уже присоединилась к другим горничным. Эта бедолага в последнее время выполняла все обязанности по дому. Деньги для оплаты полного штата прислуги уже давным-давно барон Уинфилд проиграл в карты.

– Леди Уинфилд, – приветствовала их леди Клейтон, очаровательная хозяйка дома. – Я так рада, что вы со своей прелестной дочерью приняли приглашение.

Фрэнсис улыбнулась хозяйке и сделала реверанс. С леди Клейтон они встречались на разных светских мероприятиях сезона и тепло относились друг к другу.

– С радостью погостим в вашем чудесном доме, – сделала реверанс и миссис Уинфилд. – Большое спасибо за любезное приглашение, леди Клейтон.

– Разве лорд Уинфилд не почтит нас своим присутствием? – поинтересовалась леди Клейтон.

Баронесса поморщилась.

– Ох, у него какие-то срочные дела в городе, но он клятвенно обещал подъехать в конце недели.

В доме Уинфилдов уже давно обходились без лакеев, и дамы были приятно удивлены, что у Клейтонов их предостаточно и двое самых расторопных уже начали выгружать вещи из экипажа. Фрэнсис нервно озиралась. Чем дольше они оставались на открытом пространстве, тем больше шансов, что их обнаружит сэр Реджинальд.

Слава богу, леди Клейтон пригласила их в дом, и они вошли в огромный роскошный вестибюль, где пахло лимонным воском. Все вокруг блестело: чистота, уют и отменный вкус, – чего не скажешь об их загородном доме. С тех пор как уволили прислугу, там никто не убирал, картины и бо?льшую часть

мебели давно продали. Всюду царило запустение.

В доме Клейтонов недостатка в прислуге явно не было. Два лакея бодро тащили их сундуки, а чуть в стороне стояла грозного вида дама – вероятно, экономка.

– Миссис Котсуолд покажет вам ваши комнаты, – сказала леди Клейтон, жестом указав на экономку.

– Большое спасибо, – поблагодарила баронесса и уже направилась было за грозной дамой к лестнице, но остановилась и оглянулась. – Только один вопрос. Сэр Реджинальд уже прибыл?

Она всячески старалась показать, что задала вопрос как бы между прочим, но Фрэнсис хорошо знала свою мать и ждала ответа, затаив дыхание. А леди Клейтон растерянно моргнула, словно озадаченная вопросом, и нахмурилась.

– Ну… кажется, да: вроде бы прибыл сегодня рано утром.

– Превосходно, – довольно улыбнулась миссис Уинфилд и подмигнула дочери.

Стараясь оставаться внешне невозмутимой, Фрэнсис подхватила юбки. Если сэр Реджинальд здесь, ей необходимо как можно скорее оказаться в безопасности своей спальни.

Она метнулась через вестибюль к лестнице, едва не сбив с ног беднягу лакея, который с видимым усилием волочил ее сундук, и судя по всему, направлялся к лестнице для слуг.

– Пожалуйста, поднимите мой сундук по этой лестнице, так быстрее, – попросила она негромко.

Лицо лакея было скрыто сундуком, который он нес на плече, и Фрэнсис его не видела, но направление движения он сразу изменил.

– Как пожелаете, миледи.

Фрэнсис чуть не расплакалась от облегчения. Она, конечно, вела себя совершенно неподобающе, однако в тот момент ей было все равно. Ей, безусловно, следовало дождаться мать и экономку, а не мчаться впереди лакея.

– Сюда? – уточнила Фрэнсис, словно ничего особенного в том, чтобы спрашивать, куда идти, у лакея, для гостьи не было.

– Да, миледи, – почему-то весело отозвался лакей.

Добежав до первой лестничной площадки, девушка остановилась, намереваясь подождать мать, но беспокойство одержало верх и она побежала дальше, оставив лакея далеко позади. Тот нес ее сундук с одеждой и множеством всевозможных полезных вещей на две недели, поэтому его нельзя винить за то, что двигался не так проворно, как она.

– Я подожду вас наверху! – выпалила Фрэнсис, подхватила юбки и помчалась вверх, перепрыгивая сразу через две ступеньки.

Добравшись доверху, она стала в панике озираться. По обе стороны от лестничной площадки тянулись непомерно длинные коридоры с десятками закрытых дверей, выглядевших совершенно одинаково. Очень неудобно.

– Направо? – спросила она лакея, который стоически нес тяжеленный сундук вслед за ней.

Внизу мать все еще обменивалась любезностями с хозяйкой. Боже мой, ну почему она так долго? Наверняка выспрашивает относительно сэра Реджинальда.

– Нет, мисс, налево, – слегка запыхавшись, ответствовал тот.

Фрэнсис все еще не видела его лица, но могла поклясться, что молодой человек едва сдерживает смех, и причиной тому явно она. Ну и пусть, подумала девушка, рысью рванула в указанном направлении, и только пробежав половину коридора, сообразила, что не знает, какая именно комната ей нужна.

– В конце коридора, мисс, – сообщил лакей, тоже добравшись до лестничной площадки, – неплохой результат, учитывая тяжеленный сундук.

Второй лакей был явно в худшей форме: сундук матери тащил с видимым трудом. Фрэнсис сочувственно посмотрела на него и с досадой поморщилась: мать всегда брала с собой слишком много ненужных вещей.

Наконец-то она добралась до самого конца: дальше бежать было некуда – и остановилась у окна, дожидаясь лакея, в нетерпении притопывая ногой и нервно кусая губы. Лакей уже почти дошел до нее, когда ближайшая дверь распахнулась и в коридор выступил сэр Реджинальд. Фрэнсис затаила дыхание, мысленно взмолившись, чтобы он ее не заметил, и на сей раз удача не отвернулась от нее. Зануда, даже не взглянув в ее сторону, направился к лестнице. Фрэнсис с отвращением смотрела на его покатые плечи и круглую плешь на затылке, умоляя не оборачиваться.

– Сюда? – тихо спросила она у лакея и, не дожидаясь ответа, распахнула последнюю дверь у окна.

Если она ошиблась, лакей придет и скажет ей об этом. Через несколько минут в комнату действительно вошел лакей.

– Мне очень жаль, если я ошиблась с комнатой! – Фрэнсис поспешила захлопнуть дверь. – Просто… понимаете…

А что, собственно, она могла сказать лакею? Как объяснить свое странное поведение?

– Вы не ошиблись, – сообщил он и опустил наконец ее сундук на пол у окна. – Это как раз ваша комната. Вы, вероятно, очень спешили?

Фрэнсис, прижавшись ухом к двери, чтобы услышать шаги сэра Реджинальда, когда тот будет возвращаться, нахмурилась. Сначала ее удивила его слишком правильная для лакея речь, потом – еще больше – то, что он позволил себе комментировать ее поведение. Это недопустимо. Возможно, решил заработать лишнюю монету-две?

После недолгих раздумий Фрэнсис решила, что не в ее случае винить лакея за странное поведение, поскольку ее собственное вряд ли можно назвать приемлемым. В любом случае ее мать может появиться здесь в любой момент и, без сомнения, будет недовольна, обнаружив дочь в комнате наедине с лакеем.

Надо заплатить парню и поскорее отослать его. Продолжая прислушиваться к происходящему в коридоре, она расстегнула сумочку, болтавшуюся на поясе, пошарила там и достала монету. Полфунта. Нормально. Сжимая в руке монету, Фрэнсис обернулась к лакею, и… у нее перехватило дыхание.

Боже правый! Перед ней стоял не парнишка, а взрослый мужчина: широкоплечий высокий красавец с умными темно-зелеными глазами и лицом, словно высеченным из мрамора: темные брови, совершенной формы нос, чувственные губы. Фрэнсис смотрела на мужчину разинув рот, словно на ожившее творение великого скульптора. Вот это поворот! Неужели подарок судьбы?..

Глава 4

Лукас прищурился, глядя на прелестную юную девушку, которой только что помог внести сундук. Прислонившись спиной к двери, одну руку она прижала к стене, а другую, в которой была зажата монета, поднесла к пухлым розовым губкам. Почему она дрожит? Или у него разыгралось воображение? Лукасу еще не приходилось видеть такую панику в глазах юной леди: она спешила так, словно за ней по пятам гнался сам дьявол, – а теперь стояла без движения, только грудь судрожно вздымалась и лицо порозовело.

Он видел, как девушка взглянула на него: сначала мельком, а потом уставилась во все глаза, – и на лице ее отразилось удивление, сильное и совершенно искреннее, как потрясение. Сначала Лукас подумал, что она его узнала, но почти сразу отбросил это предположение. Он не сомневался, что если бы они встречались раньше, непременно запомнил бы ее. Лукас все утро таскал сундуки юных девиц и их мамаш, но только эта девушка завладела его вниманием, и не потому, что была красива, хотя этого у нее не отнимешь: длинные темно-каштановые волосы, темные глаза вполлица, – а потому, что вела себя слишком уж необычно. Оставив миссис Котсуолд и собственную мамашу, она со всех ног

ринулась в комнату, обогнав даже его, не говоря уже о том, что попросила его подняться по парадной лестнице, – так было быстрее. Сначала Лукас предположил, что ей отчаянно понадобилось посетить дамскую комнату, но когда из своей спальни выплыл сэр Реджинальд Фрэнсис, она так побледнела, что юркнула в первую попавшуюся комнату. Что-то произошло между ней и сэром Реджинальдом? Или она настолько стеснительна, что старается всех избегать? Нет, это вряд ли, судя по тому, как она на него смотрела: в этом взгляде было что угодно, но только не стеснительность.

Подозрения Лукаса нашли подтверждения, когда девушка сделала шаг к нему и тихо попросила:

– Вас не затруднит выглянуть в коридор и посмотреть, нет ли там джентльмена дюймов на десять ниже вас, с сединой на висках, плешью на затылке, покатыми плечами и заносчивой физиономией?

Лукасу пришлось прикусить губу, чтобы не расхохотаться. Более точно описать сэра Реджинальда вряд ли возможно. Эта юная леди не только непредсказуема, но и не лишена чувства юмора, что весьма и весьма интересно и даже интригующе. Но почему она прячется от сэра Реджинальда? Он и интрига – понятия несовместимые…

Лукас мысленно усмехнулся: вот ведь ирония судьбы – ему тоже пришлось прятаться от сэра Реджинальда. Более того, он всерьез забеспокоился, когда увидел его экипаж, подъезжающий к крыльцу. Они работали вместе в парламенте. Достаточно одного взгляда, чтобы сэр Реджинальд узнал его, хотя, может, Белл прав и верхушка общества не удостаивает своим вниманием слуг.

В любом случае надо будет поинтересоваться у Клейтона, какого черта он пригласил рыцаря на прием, хотя знал о необходимости максимально сократить список гостей, чтобы снизить до минимума риск узнавания.

Впрочем, о сэре Реджинальде он подумает позже, а пока Лукас решил поближе познакомиться с заинтересовавшей его леди. Если ей необходимо подтверждение, что сэра Реджинальда нет в коридоре, что ж, ради бога. Понятно, что миссис Котсуолд не инструктировала его на этот счет, только он и так уже нарушил все правила и довольно долго находился наедине с юной леди в комнате, так что высунуться в коридор грех небольшой.

Лукас подошел к двери, и хоть девушка поспешно отступила в сторону, все равно успел уловить запах ее духов – легкий воздушный цветочный аромат. Почувствовав, как закружилась голова, он кашлянул и пробормотал:

– Прошу прощения…

Интересно, отчего вдруг стало так трудно дышать?

Она улыбнулась и, сделав еще шаг в сторону от двери, прошептала:

– Это вы меня извините, – отвела взгляд и покраснела.

Что это с ней? Неужели он заставил ее покраснеть? Как мило. Лукас слегка приоткрыл дверь и, выглянув в коридор, увидел, как Джеймс, второй лакей, вносит сундук матери этой девушки в соседнюю комнату. Больше никого видно не было. Сама дама, вероятно, все еще беседует внизу с Теодорой. Диву даешься, насколько порой болтливы женщины: не заметить ни странного поведения, ни исчезновения дочери. Остается только посочувствовать этому юному ангелу.

– Он ушел, – сообщил Лукас, прикрыв дверь.

Девушка с облегчением вздохнула, прислонилась к стене и склонила головку к правому плечу, так что каштановый локон выбился из-под шляпки. Лукасу так захотелось коснуться этого локона, убедиться, что на ощупь он такой же мягкий, как на вид, что зачесались кончики пальцев.

– О, как я рада! Спасибо, спасибо вам большое! – с чувством проговорила она.

– Он… доставляет вам беспокойство, миледи? – позволил себе спросить Лукас.

Миссис Котсуолд, безусловно, не одобрила бы его поведение. Лакей не должен совать нос в дела гостей. Только все дело в том, что даже в обличье лакея Лукас оставался джентльменом, а джентльмен должен защищать леди. Однако кто эта юная леди и какая опасность ей грозит со стороны сэра Реджинальда? Этот человек, безусловно, чванливый осел, но совершенно безобидный. Правда, он может быть занозой в заднице: это Лукас ощутил на себе. Все лето сэр

Реджинальд колебался, то поддерживая закон о занятости, то перебегая в лагерь его противников, и Лукасу приходилось десятки раз повторять одно и то же, чтобы убедить рыцаря в достоинствах закона.

В другое время Лукас был бы доволен, что один из тех, кого ему надо было привлечь на свою сторону, приехал на прием: это давало больше возможностей добиться желаемого результата, – но в данном случае будет крайне неловко, если сэр Реджинальд его узнает, что не исключено, даже несмотря на лакейскую ливрею и напудренный парик. Придется и ему, как этой девушке, держаться подальше от этого джентльмена.

– Нет-нет, он не беспокоит меня… пока, – ответила она с озорной улыбкой. – Но именно из-за опасения, что это может произойти… в будущем, я и стараюсь оказаться от него как можно дальше.

Лукас не мог решить, как реагировать на ее слова: хмуриться или смеяться. С каждым мгновением эта девушка все больше удивляла его: то, что она говорила, было совершенно неожиданным. Он поймал себя на том, что с нетерпением ждет ее следующей фразы, но ему вовсе не понравилось, что она опасается проблем от сэра Реджинальда. Неужели рыцарь сказал ей или, хуже того, сделал что-то неподобающее?

– Если желаете, я могу сказать ему, чтобы держался от вас подальше, миледи.

Как только эти слова слетели с его губ, Лукас понял, насколько дерзко и нелепо они прозвучали. Граф Кендалл имел все права это сказать, но лакей Лукас едва ли мог позволить себе нечто подобное. Черт возьми! Не самое удачное начало. Лукас представил себе, как, оставаясь в образе лакея, говорит сэру Реджинальду, чтобы тот держался подальше от этой куколки, и досадливо поморщился. Пожалуй, затея с «Клубом лакеев» не столь разумна, как ему казалось раньше.

Девушка сделала шаг к нему, внимательно всмотрелась в лицо и заметила:

– Спасибо, вы очень добры, мистер…

– Лукас! – выпалил герцог и снова поморщился.

Проклятье! Теперь она будет думать, что это его фамилия. Интересно, что в этой юной леди так его будоражит? Он, всегда такой спокойный и хладнокровный, нервничает как мальчишка!

– Мистер Лукас, – повторила девушка, – в этом нет никакой необходимости. Я сама разберусь с сэром Реджинальдом. Мне просто надо собраться… подготовиться… Наша встреча не должна быть неожиданной, – пояснила Фрэнсис и усмехнулась.

– Как угодно, миледи.

Лукас понимал, что слишком долго находится в этой комнате. Ему следует уйти раньше, чем придет ее мамаша и застанет их здесь наедине, без компаньонки. Он кашлянул и, указав на дверь, путь к которой в данный момент ему опять преграждала юная леди, спросил самым услужливым тоном:

– Что-нибудь еще, миледи?

Миссис Котсуолд вбила ему в голову, что хороший слуга никогда не покинет комнату, не поинтересовавшись, может ли еще чем-то помочь хозяину или хозяйке.

– О, да…

Девушка очаровательно покраснела, и Лукас обнаружил, что ему нестерпимо хочется коснуться ее нежной кожи.

– Тогда, с вашего позволения… – Он опять указал на дверь.

– Да-да, конечно!

Лукас уже взялся за дверную ручку, когда она пробормотала, покраснев еще сильнее:

– Постойте, я…

Он так резко обернулся, что задел ее протянутую руку, в которой была зажата монета, и та со стуком упала на деревянный пол. Они оба одновременно наклонились, чтобы ее поднять, и Лукас пробормотал:

– Прошу прощения.

Девушка тоже буркнула что-то неразборчивое, и они столкнулись лбами со стуком, таким же громким, как от упавшей на пол монеты. Лукас первым взял монету, они оба выпрямились, не переставая извиняться друг перед другом и потирая ушибленные лбы. Он протянул монету девушке, но та оттолкнула его руку: тепло ее пальцев обожгло кожу даже сквозь перчатки – и опять краснея, сказала:

– Нет-нет, это вам.

– Я не могу это взять, миледи: ведь едва не сбил вас с ног.

– Вы ее заработали. Спасибо за благоразумие в отношении сэра Реджинальда.

– Всегда рад помочь, миледи.

Лукас не желал брать у нее деньги, но чем больше медлил, тем выше шанс, что их застанут вместе. Вспомнились слова Уорта: герцог ничего не имел против чаевых от гостей, даже наоборот: не может дождаться, когда начнет их получать. Он даже подбил членов «Клуба лакеев» на пари, что получит больше чаевых, чем все остальные. Разумеется, приятели не могли отказаться: в конце концов, в конюшне куда меньше возможностей получить приличные чаевые, чем в господском доме. Именно воспоминание о заключенном пари заставило Лукаса положить монету в карман, а кроме того, осознание, что настоящий слуга принял бы монету с благодарностью. К чему вызывать ненужные подозрения?

– Спасибо, миледи, и прошу прощения, но должен идти: – Он похлопал по карману зеленого жилета, в который положил монету.

– Это вам спасибо! – живо отозвалась девушка. – Вы так мне помогли.

Уже открыв дверь, Лукас, не в силах справиться с собой, все же спросил, хотя и не должен был:

– Вы не окажете мне любезность, миледи?

Девушка растерянно заморгала.

– Любезность?

– Надеюсь, вы не сочтете меня слишком дерзким, если я попрошу вас назвать свое имя?

Лукас преследовал двоякую цель: во-первых, девушка действительно его заинтересовала, и хотелось навести справки о ней и ее семье; во-вторых, ему пришло в голову, что, задав неподобающий вопрос, он поймет, как она в действительности относится к слугам, – иными словами, получит первое представление о ее характере.

Девушка поправила выпавший из-под шляпки локон и широко улыбнулась.

– Думаю, я просто обязана представиться, после того как вы любезно сообщили мне свое имя. Я Фрэнсис, Фрэнсис Уортон.

– Спасибо, миледи, – поклонился Лукас.

Отлично! Ее не только не оскорбил вопрос лакея, а даже вызвал роскошную улыбку. Значит – по крайней мере, на данном этапе – Фрэнсис Уортон представляется весьма привлекательной юной леди.

Лукас вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Похоже, он не слишком задержался. Джеймс, второй лакей, как раз выходил из соседней спальни, и Лукас присоединился к нему, чтобы спуститься вниз и встретить следующих гостей.

Он достал монету из кармана, подбросил, поймал и зажал в кулаке. Фрэнсис Уортон? Она не использовала слово «леди», но наверняка принадлежала к знати, иначе не получила бы приглашение на этот прием. К тому же она выглядела как

леди, говорила как леди, и Теодора принимала ее как леди. Интересно, почему тогда она не представилась как леди Фрэнсис Уортон? Уортон… Хм. Кажется, Лукас знавал барона с таким именем. Или нет? Он мечтательно улыбнулся. Да, пожалуй, к Фрэнсис Уортон стоит присмотреться.

Глава 5

Тем вечером за длинным столом в элегантной столовой лорда Клейтона пустое место справа причиняло Фрэнсис сильное беспокойство. Ее мать, сидевшая по другую сторону от этой пустоты, все время улыбалась и кивала, словно обитательница Бедлама. Ей явно было известно, кому предназначено это место, и ее это безмерно радовало. Вывод напрашивался только один: сэр Реджинальд. Отчаянная надежда Фрэнсис на то, что джентльмен заболел и не явится к столу, была разбита громким объявлением леди Клейтон:

– Сэр Реджинальд присоединится к нам с минуты на минуту.

У Фрэнсис упало сердце. Она уже попыталась сказаться больной перед ужином, решив, что это лучшая альтернатива строптивости. Когда изображаешь строптивую, нужны актерские способности, которых нет, а значит, это бесперспективно. Больную изображать проще: лежи себе в постели с полотенцем на голове или читай. Что может быть лучше?

Несмотря на ненатуральный кашель, прикладывание тыльной стороны ладоней ко лбу, томные вздохи и стоны, мать осталась равнодушна к стараниям Фрэнсис и велела одеться к ужину, вести себя любезно и дружелюбно. Также миссис Уинфилд напомнила дочери, что ни при каких обстоятельствах она не должна упоминать законопроект о занятости, говорить о политических проблемах и на другие неприличные для юной леди темы.

Фрэнсис с большой неохотой позволила бедной задерганной Альбине помочь ей одеться. Она искренне сомневалась, что у нее получится выполнить все требования матушки, тем более если компанию за ужином ей составит сэр Реджинальд, но хотя был одно: выглядеть леди – попытается. Впрочем, вряд ли любой даме удастся изображать заинтересованность, если мужчина весь вечер станет рассказывать о своих ногах или о чем-то еще, столь же увлекательном?

Абигайль, пожалуй, единственная, у кого хватает терпения выслушивать подобные скучнейшие истории, изображая живейший интерес. Фрэнсис была напрочь лишена этого таланта. Она тогда походила на зайца, попавшего в ловушку, или заснувшего на кафедре священника – по крайней мере, так говорила ее мать. Фрэнсис ничего не могла с собой поделать. Скучные истории сложно сделать веселыми, но сэр Реджинальд умудрялся делать их и вовсе занудными.

Уже в который раз Фрэнсис задалась вопросом, почему матушка не может оставить ее в покое и просто отдать ее приданое Абигайль: очаровательной, мягкой, покладистой, – тем более что сестра очень хочет выйти замуж и стать хозяйкой дома. Абигайль никогда не станет говорить о политике, она куда больше похожа на юных представительниц высшего общества, чем Фрэнсис, которой попросту не повезло: она родилась раньше.

Фрэнсис огляделась по сторонам. За столом сидели по большей части юные леди со своими мамашами. Только сейчас она обратила внимание, что здесь явно не хватало джентльменов. Не то чтобы она сама стремилась обзавестись поклонниками, но подозревала, что другие гостьи прибыли сюда в надежде именно на это. Фрэнсис мысленно пожала плечами. Как правило, у нее всегда хватало собеседников, если речь шла о политике, но поскольку она пообещала матери воздержаться от них, для нее не имело значения, сколько джентльменов было приглашено на прием. Впрочем, она подозревала, что у остальных юных леди и их мамаш другое мнение.

Фрэнсис присмотрелась повнимательнее и узнала каждую из самых красивых молодых женщин. Как и она, все они были дамы на выданье, которым пока не удалось найти себе подходящую пару, за одним исключением: леди Джулианы Монтгомери, дочери герцога и сестры подруги Фрэнсис Мэри.

Леди Джулиана – роскошная зеленоглазая блондинка, высокая, стройная, само совершенство – была так богата и популярна, что ее дебют подробнейшим образом освещался в «Таймс». Абигайль и мисс Уинфилд с замиранием сердца читали статьи о ней, а потом бурно их обсуждали. Фрэнсис помнила их разговоры. Ходили слухи, что в год своего дебюта она привлекла внимание неуловимого герцога Уортингтона, но никто ничего не знал наверняка и поэтому мало кто в это верил. Известно, что вышеупомянутый джентльмен очень красив дерзок, бесшабашен, а также отъявленный повеса и игрок, к тому же почти никогда не бывает в обществе. Тем не менее все считали, что, если Уортингтон,

в конце концов, надумает жениться, Джулиана Монтгомери – именно та леди, которой удастся привести его к алтарю. Удивительно, но эта красавица в свой дебютный сезон ни с кем не связала свою судьбу, зато в следующем сделала превосходную партию – обручилась с маркизом Мердоком, молодым, богатым и красивым наследником своего бездетного дядюшки.

Фрэнсис пригубила вина и взглянула на леди Джулиану поверх бокала. Очаровательная блондинка прибыла на этот прием с матерью и младшей сестрой, дебютировавшей в прошлом сезоне, и являла собою олицетворениее всего, чего не было в самой Фрэнсис: королевская осанка, сдержанность, очарование, блестящие манеры. Фрэнсис не могла понять, как ей удавалось постоянно сохранять спокойное и приветливое выражение лица. Никто не сомневался, что леди Джулиана – бриллиант чистой воды. Фрэнсис была уверена, что она никогда в жизни не позволила себе ничего неподобающего: к примеру, не пыталась заговаривать со своими поклонниками о политике. Неудивительно, что маркиз Мердок проглотил наживку.

Когда леди Джулиана внезапно оглянулась и встретила взгляд Фрэнсис, та едва не выронила бокал. Прекрасно: теперь ее застали беспардонно глазеющей на дочь герцога и невесту маркиза. Какое непристойное поведение в первый же вечер! Она покосилась на часы, стоявшие на каминной полке в центре столовой. Эта штуковина была, вероятно, самой медленной в истории. Фрэнсис сокрушенно вздохнула. Ей придется провести за этим столом еще часа два, если не три: подобные официальные застолья всегда были длинными и скучными, особенно когда велись столь тривиальные разговоры. Матушка оживленно болтала со своей соседкой о неминуемом прибытии сэра Реджинальда, а Фрэнсис уже скучала, хотя рыцарь еще даже не появился.

Вечер мог бы считаться потерянным, если бы не одно обстоятельство: тот самый красивый молодой лакей, который поинтересовался, как ее зовут, прислуживал за столом. Весь вечер Фрэнсис украдкой наблюдала за ним, и ей показалось, что он тоже посматривает в ее сторону. Хотя, возможно, она приняла желаемое за действительное. Этого весьма привлекательного лакея зовут Лукас. Он был к ней очень добр, и даже не хотел брать монету, что весьма ее удивило: ей не приходилось встречать слуг, которые не пожелали бы взять чаевые. Да и слуг таких: на удивление красивых и отлично сложенных – она тоже никогда не видела. Ливрея сидит на нем идеально, а уж бриджи… Фрэнсис покраснела. Матушку наверняка хватил бы удар, если бы она могла прочесть мысли дочери. Скрыв улыбку под салфеткой, девушка дала себе слово не смотреть на мистера

Лукаса, по крайней мере постоянно.

Прошло всего несколько минут, и в столовую со всей поспешностью вошел сэр Реджинальд и сразу обратился к хозяйке:

– Прошу меня простить за опоздание, миледи, но я получил письмо от принца-регента. Вы же понимаете, что письма Джорджи принято читать сразу.

Слова, обращенные к леди Клейтон, он произнес так, чтобы слышали все присутствующие.

Фрэнсис не нужно было гадать зачем: чтобы придать себе значимости, – и она опять покосилась на мистера Лукаса. Он закатил глаза, или ей показалось? Любопытно… Она сделала еще маленький глоточек вина.

Сэр Реджинальд, обнаружив пустой стул рядом с Фрэнсис, сел и хотел было уже открыть рот, чтобы начать говорить, но матушка подалась к нему и с придыханием попросила:

– Ах, ваша светлость, вы непременно должны рассказать нам, о чем написал вам принц-регент!

От Фрэнсис не укрылось, что она особенно подчеркнула слова «принц-регент», и едва не свалилась со стула, пытаясь обратить на себя внимание сэра Реджинальда.

Тонкие губы рыцаря расплылись в самодовольной улыбке. В это время лакей Лукас положил салфетку ему на колени, но сэр Реджинальд не удостоил его даже взглядом. Фрэнсис это заметила, и ее неприязнь к рыцарю еще больше усилилась.

Сэр Реджинальд откашлялся и громко, чтобы его слышали все сидящие за столом, ответил:

– В общем, ничего особенного: спросил, как мне отдыхается, и поинтересовался, не хочу ли я по возвращении поужинать с ним в Карлтон-хаусе.

– Ты только послушай, Фрэнсис! – с неуемным энтузиазмом воскликнула мама. – Сэр Реджинальд приглашен в Карлтон-хаус!

Фрэнсис, сделав над собой усилие, улыбнулась и кивнула, хотя не была уверена, что ее улыбка выглядела натуральной, а не вымученной. Что ей до принца-регента и Карлтон-хауса? Она никогда не интересовалась принцем и не видела смысла начинать сейчас. Этот человек всегда находился на противоположной стороне любой политической дискуссии, которая была ей интересна.

– Я намерен написать ему ответ и пригласить сюда, если леди Клейтон не возражает, конечно. – Сэр Реджинальд мило – по его мнению – улыбнулся и взглянул на леди Клейтон, которая подняла бокал и кивнула.

– Конечно, сэр Реджинальд, конечно.

Миссис Уинфилд издала сдавленный звук – вероятно, собиралась завизжать от избытка чувств, но вовремя спохватилась, прижала ладонь к своей объемистой груди и прошептала:

– Регент… приедет сюда. Ты только подумай, Фрэнсис! Какое счастье!

Разговор за столом оживился: гости принялись обсуждать новость о возможном приезде принца-регента, – а Фрэнсис покосилась на мистера Лукаса, который поджал губы и поднял брови, изображая, что тоже взволнован, и с трудом сдержала смешок – как оказалось, вовремя, поскольку рыцарь повернулся к ней и изрек:

– Моя дорогая мисс Уортон, рад видеть вас снова. Я все еще помню нашу интереснейшую дискуссию во время последней встречи.

– Я ее тоже помню, – выдавила Фрэнсис и, покосившись на мистера Лукаса, заметила на его губах тень улыбки. Как же этот лакей хорош! Интересно, почему в столовых всегда так жарко?

– Да, – поторопилась дать о себе знать миссис Уинфилд. – Фрэнсис не раз упоминала вашу захватывающую беседу о висте.

Дама так энергично подалась к сэру Реджинальду, что Фрэнсис пришлось схватить ее бокал, чтобы не опрокинулся, и вжаться в спинку стула, рискуя перевернуться вместе с ним. Впрочем, как только стул качнулся назад, мистер Лукас оказался рядом.

– Осторожнее, Фрэнсис, – прошипела матушка, и ее улыбка, адресованная сэру Реджинальду, стала еще более восторженной.

Девушка метнула на лакея благодарный взгляд и смущенно поднесла бокал к губам. Зная свою мать, она не сомневалась, что теперь любое слово рыцаря будет вызывать у нее полный восторг.

Когда она снова прислушалась к разговору, сэр Реджинальд опять вещал что-то о висте. Неужели он так глуп, что верит, будто его разглагольствования действительно кому-то интересны? Судя по явной благосклонности, с которой он взирал на ее мать, так оно и было. Фрэнсис посмотрела на него с явным недоумением: надо же быть таким падким на лесть!

В следующее мгновение Фрэнсис поймала себя на том, что ищет глазами Лукаса, но его нигде не было: возможно, отправился на кухню за очередным блюдом, – и по непонятной причине почувствовала себя брошенной. Опять оглядевшись, она встретила взгляд леди Джулианны. Та ободряюще улыбнулась, и Фрэнсис с радостью послала ей ответную улыбку. Сэр Реджинальд кашлянул.

– Надеюсь, вы не сочтете меня слишком невежливым, мисс Уортон, из-за того, что я в этот вечер почти не уделял вам внимания?

– А вы не уделяли? – удивилась Фрэнсис, стиснув бокал так, словно он мог спасти ее от дальнейших объяснений.

Этим замечанием она заработала недовольную гримасу матери, а на рыцаря ее слова не произвели никакого впечатления. Он продолжал говорить как ни в чем не бывало, словно и не слышал ее.

– Вы же понимаете: когда мой человек приехал из Лондона с почтой, а там было письмо от принца…

Рыцарь многозначительно помолчал, давая возможность слушателям самим додумать фразу.

Прочитать письмо было явно важнее, чем искать ее, поняла Фрэнсис и прикрыла рот ладошкой, чтобы не рассмеяться. Жаль, что рядом не было мистера Лукаса и он не слышал последний перл рыцаря. Стоит признать, сэр Реджинальд может быть довольно забавным, если достаточно выпьет, а слушатель посмотрит на него под правильным углом.

– О, расскажите же нам еще о письме принца, – взмолилась миссис Уинфилд, готовая, казалось, от восторга разорвать в клочья свою салфетку.

Фрэнсис же продолжала сжимать бокал, словно это была ее последняя связь со здравым смыслом.

– Конечно, в письме принца было много чего, – признался сэр Реджинальд с очень довольным видом. – Но, будучи его доверенным лицом, не пристало выдавать его секреты.

Прикоснувшись пальцами к губам, джентльмен одарил Фрэнсис многозначительным взглядом, но та быстро отвела глаза, почувствовав себя самым несчастным существом на свете. Мистера Лукаса нигде видно не было. Всего за столом прислуживали четыре лакея. Двое сейчас убирали суповые тарелки, а двое, видимо, ушли на кухню. Впрочем, вскоре они вернулись с большим серебряным блюдом, на котором красовался жареный гусь. Поставив блюдо на буфет, они стали помогать лакеям, убиравшим посуду. Фрэнсис никогда не обращала особого внимания на перемещения слуг вокруг стола, но сегодня жадно следила за каждым их движением, а особенно за мистером Лукасом. Закончив с посудой, он стал переходить от одного гостя к другому, предлагая отведать жареного гуся, блюдо с которым за ним несли два поваренка. Фрэнсис наблюдала за его действиями, и, чем ближе он подходил к ней, тем теплее становилось у нее на душе.

– Миледи? – поклонившись, обратился он к ней. – Кусочек жареного гуся?

– Да, пожалуйста, – ответила она, не поднимая глаз и отчаянно надеясь, что ни мать, ни сам мистер Лукас не заметят, как она покраснела.

Черт! Краснеть, когда ей всего лишь предлагают жареного гуся. Да что это с ней такое?

После того как аппетиный кусочек оказался у нее на тарелке, мистер Лукас и поварята с блюдом перешли к сэру Реджинальду, но как раз в этот момент ее матушка спросила:

– Сэр Реджинальд, скажите, как часто вы обедаете с принцем?

Глаза миссис Уинфилд сверкали с таким фанатизмом, что Фрэнсис заволновалась: они ведь на официальном приеме, а интерес ее матери к дружбе рыцаря с принцем граничит с одержимостью.

– Время от времени, – ответствовал сэр Реджинальд, и на лице его появилась самодовольная улыбка.

Фрэнсис покосилась на мистера Лукаса, который взирал на рыцаря с откровенным скепсисом, явно сомневаясь в правдивости его слов, и не успела поднести салфетку к губам, чтобы заглушить смех. Пришлось срочно исправлять ситуацию, и она спросила первое, что пришло в голову:

– Принц любит вист?

Рыцарь взглянул на нее весьма благосклонно, хотя было неясно, что ему понравилось больше: заданный вопрос или возможность поговорить. Скорее всего и то и другое.

– О да, он очень любит эту игру, миледи.

Следующие три четверти часа Фрэнсис пришлось слушать рассуждения сэра Реджинальда о карточных привычках и пристрастиях принца-регента и восторженные возгласы матери. Не умереть от тоски помогало вино и гусь, в которого она периодически тыкала вилкой.

Когда сэр Реджинальд начал самым подробнейшим образом рассказывать, как добирался до особняка Клейтонов, не упуская ни малейшей подробности, терпение Фрэнсис лопнуло. Ведь это пытка – битый час слушать о том, какими

грязными стали дороги, сколько раз пришлось останавливаться для смены лошадей и как болела спина, когда он выходил из экипажа, чтобы размяться. Пусть ей не удалось притвориться больной, ничто не помешает побыть стервой. Она решила устроить сцену, которая испугает сэра Реджинальда и даст ей возможность покинуть столовую. В этот момент она увидела, что мистер Лукас подливает ей вина в бокал.

Вот она – самая удачная возможность. В конце концов, дареному коню в зубы не смотрят.

Она подмигнула лакею, понадеявшись, что взгляды, которыми они обменивались весь вечер, не были только плодом ее воображения. Жаль, конечно, если мистер Лукас ее не поймет, но она в любом случае потом извинится перед ним.

Подумав так, Фрэнсис задела руку лакея, и тот пролил вино на скатерть и ей на юбки.

– Неуклюжий осел! – немедленно вскочив, воскликнула она, вмиг превратившись в злобную фурию. – Посмотри на мое платье! Оно испорчено!

Мистер Лукас отвернулся от стола, и на мгновение Фрэнсис показалось, что она ошиблась: он не понял, что все было сделано нарочно, – но он успокоил ее, поклонившись и взглядом дав понять, что все в порядке.

– Примите мои самые искренние извинения, миледи. Я немедленно помогу вам привести платье в порядок.

– Нет необходимости! – выкрикнула она визгливо. – Платье испорчено. Пожалуй, мне лучше пойти переодеться, а платьем займется горничная.

Матушка, увлеченная беседой с рыцарем, не сразу сообразила, что к чему, а когда опомнилась, покраснела как помидор.

– Фрэнсис, что ты себе позволяешь? Зачем кричать.

Она с тревогой переводила взгляд с дочери на сэра Реджинальда, желая оценить его реакцию.

Леди Клейтон тем временем подошла к Фрэнсис, спокойно извинилась и быстро вывела возмущенную девушку и лакея из столовой. Уже добравшись до вожделенного выхода, Фрэнсис услышала за спиной голос сэра Реджинальда.

– Мне нравится, когда женщина может за себя постоять. А этот лакей действительно не-уклюжий осел.

Все напрасно! Похоже, своей выходкой она не отпугнула этого кретина, а скорее, наоборот: привлекла. Как только они вышли в коридор, Фрэнсис обернулась, чтобы извиниться перед мистером Лукасом, но леди Клейтон уже велела ему отправляться в помещение для слуг и оставаться там до вечера. Ну что за невезение! Фрэнсис хотела быть уверена, что он правильно ее понял. Придется позже найти его и все объяснить.

Глава 6

Фрэнсис Уортон. Лукас и два часа спустя думал о ней, прислонившись плечом к стене в помещении для слуг. К счастью, никто, похоже, не узнал его: Теодора вовремя вывела из столовой. Он сразу же, как только произошел инцидент, повернулся спиной к столу, и хозяйка приема быстро пришла на помощь и увела их с мисс Уортон подальше от гостей.

Он оставался внизу все время, пока его обязанности в столовой выполнял дворецкий, и успел задать ряд вопросов относительно планов на завтра. Приехав в поместье друга, он узнал много нового о жизни и работе слуг. К его немалому удивлению и восторгу, слуги Клейтонов охотно делились с ним опытом. Он понимал, что это по приказу миссис Котсуолд, но все же высоко ценил их помощь, равно как и то, что они, пусть временно, приняли его в свои ряды. Конечно, некоторые иногда забывали, что его не следует называть «милорд», и ему приходилось постоянно быть настороже. Некоторые молоденькие горничные при виде его краснели, и Лукасу оставалось только надеяться, что он их не слишком смутил.

Работа оказалась намного тяжелее, чем Лукас себе представлял. Весь вечер ему приходилось бегать вверх-вниз по лестнице с тяжеленными подносами, нагруженными едой. Испытанию подверглась не только его физическая

выносливость, но и умственные способности. Он лихорадочно вспоминал, куда ставить супницу, с какой стороны следует подходить к гостям, предлагая им очередное блюдо, и как долго следует стоять возле каждого, прежде чем перейти к другому. А уж как не опрокинуть еду или не пролить вино на гостя – целая наука. Впрочем, Лукас вполне прилично справлялся, пока мисс Уортон специально не толкнула его.

Больше всего Лукас боялся, что кто-то из гостей, знакомых с ним – а таких было за столом немало, – узнает его. Только ему пришлось удостовериться в правоте Белла. Маркиз сказал, что никто даже не посмотрит на лакея, одетого в ливрею и напудренный парик – так и было. На него постоянно смотрела только мисс Уортон. Лукас это знал, потому что все время наблюдал за ней. Сначала он встревожился, когда сэр Реджинальд занял место рядом с ней и принялся хвастливо разглагольствовать о своей дружбе с принцем-регентом. Он буквально выкрикивал «принц-регент», чтобы могли слышать все присутствующие.

И еще рыцарь назвал принца Джорджи. Какого черта? Впрочем, на гостей он, судя по всему, произвел впечатление. Особенно, на леди Уинфилд. Лукас понятия не имел почему. Карлтон-хаус был известен щедрыми обильными пиршествами, только ничего интересного на них не происходило. Лукас, как правило, старался уклоняться от приглашений в Карлтон-хаус, хотя периодически получал их. Там он чувствовал себя неловко из-за присутствия миссис Фицгерберт, да и беседы за столом велись исключительно вокруг персоны принца.

Лукас предпочитал компанию друзей в «Любопытном козле» душной атмосфере Карлтон-хауса. А вот дружба сэра Реджинальда с принцем-регентом была одной из причин его заинтересованности в голосе рыцаря. Как-никак сэр Фрэнсис входил в свиту принца, а тот имел влияние на многих членов парламента. Если Лукас сумеет склонить на свою сторону этих преданных роялистов, принятие законопроекта о занятости будет практически гарантировано, поэтому ему придется и дальше добиваться его благосклонности.

Сегодня Кендаллу было искренне жаль леди Фрэнсис Уортон, и он ничего не мог с собой поделать. Теперь ясно, почему она утром так торопилась спрятаться: девушке хотелось любой ценой избежать встречи с сэром Реджинальдом. В тот момент, когда рыцарь расположился за столом рядом с ней, у нее был такой вид, словно все, о чем она могла думать, – это бегство. Лукас, выполняя свои прямые

обязанности, снабдил рыцаря салфеткой. У него были некоторые опасения, что тот может взглянуть на него и узнать, но они быстро исчезли. Тот не удостоил его даже мимолетным взглядом. Значительно больше сэра Реджинальда интересовало декольте мисс Уортон. Видеть это Лукасу было, мягко говоря, неприятно. Очень хотелось сломать рыцарю нос.

Тем не менее положение невидимки имело свои преимущества, и оно начинало все больше нравиться Лукасу. Создавалось впечатление, что он обладает неким волшебством… волшебной палочкой. Он чувствовал возбуждение и одновременно свободу. Его приводило в недоумение то, что за весь вечер ни один из гостей за исключением мисс Уортон и Теодоры не посмотрел ему в лицо. С другой стороны, он мог слышать разговоры, которые никогда бы не услышал, будучи гостем за обеденным столом.

Лукас внимательно наблюдал за общением мисс Уортон и сэра Реджинальда, часто подходил к ним, чтобы наполнить бокалы, и слышал занудные сентенции рыцаря, которые приходилось выслушивать бедной девушке. Лукас мог бы поклясться, что рыцарь произнес целый монолог о грязи и боли в пояснице. Даже интересно, как это можно было выдержать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/valeri-boumen/lakey-i-ya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити